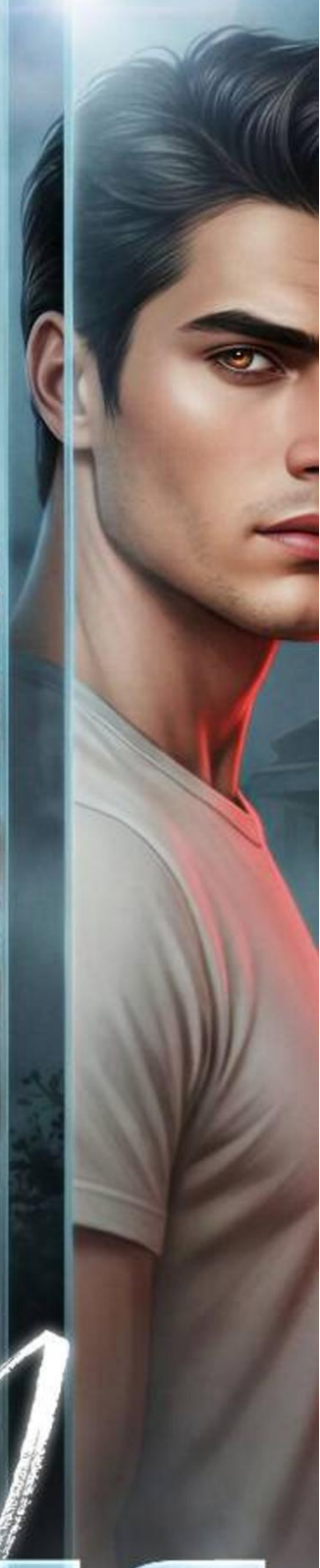
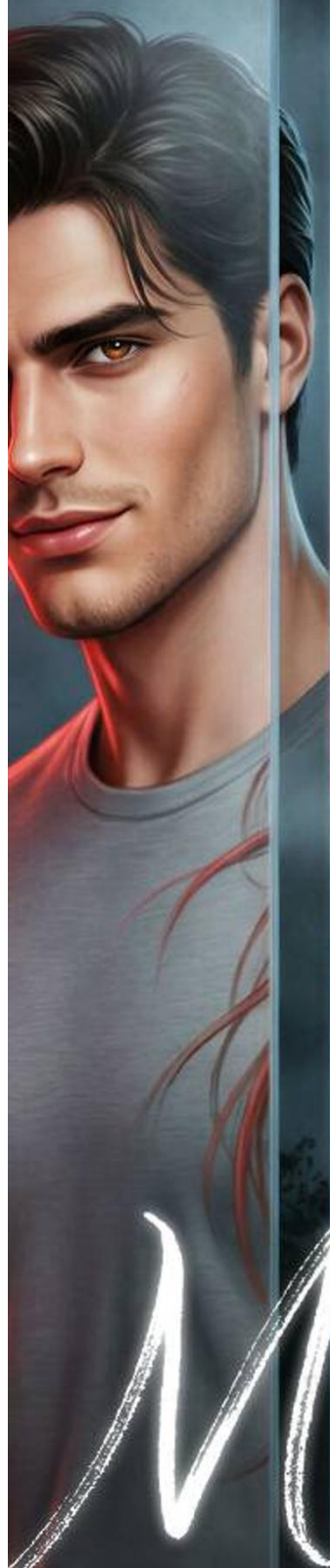

Крисия Ковальски

Между

ДВУМЯ

18+

Крися Ковальски

Между двумя

«Автор»

2026

Ковальски К.

Между двумя / К. Ковальски — «Автор», 2026

<p>Детство Милы прошло в компании двух мальчишек братьев Румаевых. Юная девушка влюбляется в младшего из братьев. Но парень не только не оценил её чувств, но и безжалостно над ними надругался. Мила ищет поддержки у второго друга детства. Старший брат её возлюбленного спасает девушку от позора и дает ей силы начать жить заново.</p>

© Ковальски К., 2026

© Автор, 2026

Крисия Ковальски

Между двумя

Эпиграф

*Любовь – блеск солнечный, дождю идущий вслед,
А похоть – мрак грозы вослед за блеском света;
Любовь всегда свежа, как яркий весенний цвет,
А похоти зима приходит раньше лета;
В любви нет жадности, – в обжорстве похоть мрет;
В любви – всё истина, а похоть вечно лжёт.
Уильям Шекспир*

Глава первая. Детство босоногое и счастливое

«А сейчас небо синее-синее, в нём пасутся овечки облаков, сделанные из сахарной ваты»

Сесилия Ахерн «Не верю. Не надеюсь. Люблю»

Сколько себя помнила Мила, а ей уже шёл шестнадцатый год, Амин и Джавид в её жизни были всегда. Не то, чтобы они жили по-соседству. Напротив, дом Румаевых стоял на самой дальней улице села Завьялово. Но расстояние никакой роли не играло. Мила всегда оказывалась в компании босоногих и смуглых братьев Румаевых. Старший – Амин, серьёзный и сдержанный, и младший – Джавид, кучерявый, смыслённый и бойкий, прекрасно дополняли друг друга. Братья жили, как говорится в поговорке, не разлей вода. Амин скрывал от родителей хулиганские проделки младшего брата и всегда заступался за него. Джавид этим пользовался. Он не боялся никого и ничего, мог даже безнаказанно задираться к мальчишкам постарше, зная, что Амин всегда рядом и в случае чего не позволит и тронуть брата.

Почему и как Мила оказалась в компании братьев Румаевых, она не помнила. Просто всегда знала, что они сыновья маминой лучшей подруги Анжелы Румаевой, и этого было достаточно для детской дружбы. Сначала мама Милы просила мальчишек присмотреть за её маленькой дочкой, когда уходила на дежурство в больницу, потом стала оставлять Милу на ночь в доме Румаевых, если ей выпадали ночные дежурства. Амин воспринимал Милу как младшую сестрёнку, а Джавид – как подружку, с которой можно весело поиграть. Если они оставались вечерами дома одни, то могли устроить битву подушками. Маленькая Мила визжала от восторга, когда пух, летящий с подушек, кружился по комнате, а если удавалось попасть подушкой в шустрого и верткого Джавида, радости не было предела. Амин в этих детских шалостях участия не принимал, но никогда и не покрикивал на шкотивших детей. Разница в возрасте с младшим братом у него была в два года, а точнее, этой разницы не чувствовалось вообще. Даже если бы Амин был и младше Джавида, то просто в силу своего характера всё равно бы проявлял больше благоразумия и сдержанности в поведении. Но иногда они любили и поспорить.

Как-то вечером дети втроем сидели на крыльце. Все трое босоногие, Мила в середине между братьями.

– А неба нет, – вдруг задумчиво произнёс Амин.

Мила удивлённо взглянула на него, её длинные ресницы затрепетали как крылья чёрной бабочки. На синем по-летнему ясном небе неторопливо плыли облака, и сквозь них солнце прожигало лучами воздушное пространство.

– Как это нет? – оторопела девочка, в её больших, таких же ясных, как летнее небо, глазах появились испуг и недоумение.

– Нет, есть, – упрямо возразил Джавид и посмотрел на брата дерзко, с вечной готовностью спорить, – А это что же тогда по-твоему?

Джавид выразительно провёл рукой над головой, помахал ею, а затем резко хлопнул себя ладонью по колену.

– Это воздух, просто воздух, – спокойно отозвался Амин.

– Нет, это небо! – глаза Джавида заблестели упрямством, – Есть небо, есть! – он спрыгнул с крыльца и побежал по дорожке, выложенной деревянными досками, на улицу.

Когда хлопнула калитка, и Мила с Амином остались на крыльце одни, девочка растерянно поинтересовалась:

– Так всё-таки его нет?

Амин сразу понял, что Мила имеет в виду вовсе не его убежавшего младшего брата, он ответил с лёгкой снисходительной улыбкой:

– Да есть небо, Мила, есть. Не бойся.

– А почему ты сейчас ему сказал, что неба нет?

– А ему хоть что скажи – он спорит, – с усмешкой объяснил мальчик, – Ему скажи, что бронепоезд едет без остановок, он возразит. Скажет, что с остановками. Такой он, мой брат Джавид, всегда спорит.

Мила тогда ничего не поняла из этого разговора, но заверение Амина в том, что небо, такое голубое – летнее, всё же существует, её успокоили. Про бронепоезд Мила тоже, как и всякая девчонка её возраста, понимала мало. Видела она бронепоезд только в фильме «Неуловимые мстители», который, как рассказывал дедушка Азиз, в его детстве каждое седьмое ноября показывали по телевизору. Мальчишкам нравился этот фильм, особенно эпизод, где бронепоезд мчится по горящему мосту и в последний момент успевает всё-таки его проехать благополучно. Мальчишкам нравились и другие фильмы, такие как «Золото Маккенны», «Земля Санникова», «Два капитана». Мила тоже смотрела те фильмы, которые предпочитали мальчишки и, даже ей, если и нравились другие, более интересные фильмы для девочек, она ни за что не призналась бы в этом.

Но больше всего Миле нравилось слушать сказки дедушки Азиза. Она обожала восточные сказки. Это был целый волшебный мир, легко нарисованный ей детским воображением: халифы и визири, смуглая красавица в парандже, роскошный дворец султана, тенистые сады с гранатовыми деревьями, глиняные домики в горных деревеньках. Мила с жадностью ловила каждое слово дедушки Азиза, а её фантазия легко рисовала необычные и яркие картины. Очень любила она истории о мудром Ходже Насреддине, и о жадном халифе, и о коварном визире, и о бедняке, полюбившем дочь султана.

– Даже султан может позавидовать нищему, – как-то сказал дедушка Азиз, скручивая самодельную папиросу и с хитринкой посматривая на детей, которые уже приготовились слушать очередную захватывающую историю.

Джавид и Мила сидели рядышком на старом диване, Амин подсел ближе к дедушке Азизу за стол, сложил перед собой руки и замер весь во внимании.

– Как это, дедушка? – удивилась Мила. Именно реакции удивления старый Азиз и ждал от своих юных слушателей, чтобы дальше продолжить свой рассказ, – Он ведь очень богатый, и у него есть всё, что он захочет.

– И все его слушают и боятся, – добавил Джавид.

– Так-то оно так... – улыбнулся Азиз и закурил. Дети терпеливо ждали, когда дедушка сделает первую затяжку, затем зайдётся в кашле от крепкого табака-самосада, и только потом продолжит, – Жил один султан, звали его Сулейман. За то, что он был очень мудр и завоевал много земель, его прозвали Великолепным. И жена у него была, – дедушка немного помолчал, раздумывая, стоит ли говорить детям подробности взрослых отношений, и, видимо, решив,

что стоит говорить, продолжил, – Вернее много жен у него было. Самых разных красавиц со всего света. Но любил он одну. Роксолану.

– Он много раз женился и разводился? – по-взрослому поинтересовался Амин.

– Нет, мой мальчик, он не разводился. Просто ему было позволено иметь много жён сразу.

– Обалдеть, – выдохнул Джавид, – Я тоже так хочу.

Дед с укоризной посмотрел на младшего внука, неодобрительно покачал головой и сказал:

– И жён у него было много и богатства. И все его слушались и боялись. Любую его просьбу спешили исполнить. И ел он только из золотых тарелок, и одежду носил из шёлка, обшитую золотом и алмазами. И дворец у него был огромный и богатый. И вся огромная империя принадлежала ему одному. Но вот день ото дня он чувствовал себя всё несчастней. Он знал, что его придворные боятся и недолюбливают его. Груз ответственности не давал ему спать ночами безмятежно, боязнь лишиться власти и богатства мучила его день ото дня. Но ни с кем не мог султан поговорить о своих страхах, так как не было у него друзей. Слуги и рабы были, а друзей не было. Он даже сомневался, любит ли его любимая жена, и вынужден был прятать её лицо, чтобы она не полюбила другого. Иногда во дворец приходил бедняк, его молочный брат Карим. Когда-то давным-давно одна служанка выкормила маленького султана своим молоком. И сын кормилицы стал его молочным братом. И каждый раз, когда Карим, наговорившись с султаном, уходил, Сулейман грустно смотрел ему вслед. Он знал, что Карим уходит в свой ветхий домишко на самой окраине Стамбула, там, где зеленеют запущенные сады и виноградники. Он представлял, как его молочный брат Карим сядет в старое плетёное из виноградных лоз кресло и будет в тишине и покое любоваться закатом и пить самое дешёвое виноградное вино. В такие минуты султан хотел тайно сбежать из своего роскошного дворца и спрятаться в диком винограднике, построить лачугу и жить в ней свободным и беззаботным.

Джавид рассмеялся:

– Вот чудак какой!

– Но он никогда так и не сбежал, дедушка? – задумчиво спросил Амин.

– Нет, он не мог набраться смелости и сбежать. Его народ считал его смелым и отважным.

По его велению брали в плен целые города и страны, но никто не знал, как он хотел сбежать и боялся сделать это.

– Мне жаль его, – тихо произнесла Мила, подперев ладошкой щечку.

– А мне нет, – резко, со злостью возразил Джавид, – С какой это стати его жалеть? Жил в своё удовольствие, делал, что хотел!

– Того, что он по-настоящему хотел, он не мог сделать, – поддержал Милу Амин, – Мне тоже жаль его.

Дедушка Азиз в спор детей не вмешивался, он только покручивал в шершавых и тёмных от табака пальцах папиросу и хитро прищурился.

Летними вечерами дети собирались в старом дощатом сарае. Сначала мальчишки рассказывали страшные истории, Джавид даже, накрывшись белой простынёй, изображал привидение, заунывно подвывая и покачиваясь. Мила визжала одновременно от страха и восторга. Потом стали придумывать целый спектакль. Амин нашёл плетённый из папье-маше абажур для лампы, вставил в него фонарь, накинул на абажур кусок тюли, он залезал на верхнюю полку железной двухярусной кровати, свешивал абажур с фонарём вниз и покачивал им во время спектакля. Милу наряжали – закутывали в старые белые простыни, на голову повязывали самодельную фату. Джавид брал отцовскую гитару и, перебирая струны, протяжно завывая, начинал рассказ:

– Жила-была одна девушка, звали её Дорианна.

Здесь из темноты выступала Мила, обмотанная простынями, и начинала водить руками вокруг себя. Соседские дети, собравшиеся смотреть спектакль, затихали и вслушивались в заунывное повествование:

– И вот однажды полюбила Дорианна принца, и готовились к свадьбе... А жених умер прямо наутро перед свадьбой. С тех пор ходит Дорианна в наряде невесты и ищет своего жениха...

Фонарь, мигая синим светом, покачивался, Мила покачивалась тоже в такт фонарю.

– Идёт-идёт Дорианна, – вдохновенно сочинял Джавид, – И видит лягушку. Она наступила на неё и... – мальчик сделал эффектную паузу, затем громко неожиданно вскрикнул, – И раздавила её!

Вовка, мальчишка лет одиннадцати, не выдерживает и смеётся в голос. Тогда и другие дети начинают смеяться.

– Протянула Дорианна руку за лягушкой, и исчезла рука! – страшным голосом вещает Джавид. Но здесь уже не выдерживает Амин и тихо хихикает из своего укрытия.

Как-то мама Анжела услышала этот спектакль и пересказала его своей подруге Лизе, маме Милы.

– И почему Дорианна? – недоуменно пожала плечами Лиза, – Кто вообще придумал это странное имя?

– Не знаю, – с улыбкой отозвалась Анжела, – Но дети в восторге от этой безумной пьесы. Вчера уже не только с нашей улицы, но уже и с соседней ребята прибежали смотреть спектакль. Вот только если Рустам узнает, что мальчишки берут его гитару без спроса, он ужасно разозлится на них.

Впрочем, узнав о том, что младший сын берёт гитару тайком и без спроса, Рустам не рассердился, а стал учить его играть на гитаре. Джавид быстро учился, на лету запоминал мелодию, играл с удовольствием. Амин участия в этом занятии не принимал, предпочитая взять удочку и уйти рыбачить в тихую заводь. Часто Мила просилась с ним, тогда Амин брал не только удочку, но и отламывал кусок хлеба, срывал в огороде зелёные перья лука и сочные в пупырышках огурцы с грядки. На берегу реки было укромное место, где в неё впадал небольшой ручей, а ивы наклоняли свои ветки до земли, образуя шалаш. Мила любила сидеть под ивами и смотреть, как Амин ловко ломает сухие прутья, укладывает их кучкой и разводит костёр. Сизый дымок струился от костра, до детей доносились приглушённые звуки деревни – вот протяжно замычала корова, кто-то забрякал пустыми ведрами, где-то залаяла собака. Амин разрешал девочке подержать в руках удочку, и Мила усердно старалась поймать хоть одну мелкую рыбёшку.

– Здесь серьёзного улова нет, – задумчиво произнёс Амин, – Нужно идти на перекат, а ещё лучше ночью на озёра.

– Возьмёшь меня? – у Милы загорались глаза от предвкушения необычных приключений.

– Возьму, – легко соглашался Амин и начинал разлаживать на газете еду.

После того, как лук с хлебом и огурцами были съедены, дети спускались к скользкому глинистому берегу, Амин сбрасывал с себя футболку и штаны, а Мила – лёгкий сарафанчик, и, зайдя в воду, они начинали купаться, брызгаться водой и смеяться. Недалеко от заводи на толстой цепи покачивалась старая лодка, дыры которой были много раз залиты гудроном. Амин и Мила доплывали до лодки, влезали на неё и сидели, греясь на солнце.

– Пора домой, – первым говорил Амин.

– Давай ещё немного покупаемся, – не соглашалась Мила.

– Я отцу обещал картошку помочь окучивать, – отвечал Амин, и девочка больше не решалась возражать. Она знала, что до вечера Амин будет работать на картофельном поле. И только когда отец вернётся с работы, мальчик сможет снова прибежать за Милой и позвать её гулять.

Как-то отец Милы Вадим Заломский поинтересовался у жены:

– Лиза, не слишком ли много времени Мила проводит у Румаевых? Её почти никогда нет дома.

– Вот и хорошо, что нет, – неожиданно ответила Лиза, поставила таз с сухим бельём на стол и взяла в руки утюг.

– Как это хорошо? – удивился Вадим.

– В прошлый раз, когда она провела дома весь день, очень тихая и спокойная, то оказалось, что они поссорились с Джавидом, – Лиза расправила простынь и стала её утюжить, – Так вот, она до вечера никуда не выходила, вздыхала и тихо плакала в своей комнате, потом мыкалась по дому, не зная, чем заняться. На неё жалко было смотреть, пока вечером не пришёл Амин. Он извинился за брата и позвал Милу гулять.

– Поссорился Джавид, а извиняться пришёл Амин? – задумчиво переспросил мужчина, наблюдая, как Лиза ловко складывает простынь и кладёт её в стопку с поглаженным бельём.

– Ну да, – пожала плечами Лиза, – Они же всё равно все вместе.

Вадим ничего не ответил на это. В споры детей он никогда не вмешивался, но только сейчас осознал, что его дочка никогда, в отличие от других девочек её возраста, не жаловалась отцу на то, что её обижают мальчишки. И только теперь он задумался над этим. От всех соседских мальчишек его дочку защищали братья Румаевы, но вот что Мила делала, когда её обижали сами братья?

Вскоре, этой же осенью, Мила стала отделяться от мальчишек. Во-первых, она пошла в школу, и у неё появились подружки девочки, с которыми оказалось интересно играть в девчачьи игры – шить наряды для кукол, рисовать принцесс и раскрашивать их, плести браслетики из бисера и играть в песочнице в кондитерскую, где из песка делались красивые пирожные. Во-вторых, Лиза устыдилась вопроса мужа, хоть он ни в чём и не упрекнул её, и постаралась реже отпускать дочку в дом Румаевых. Она стала больше времени проводить с девочкой и учить её домашним делам.

Мила любила, возвращаясь из школы, взбираться на кровать и наблюдать, как мама шьёт на машинке. Она любила и стук швейной машинки, и то, как яркая ткань, выползая из под иглы, становится не тканью уже, а превращается в красивое платье или юбку или блузку. Эти превращения завораживали девочку, и она просила маму научить её шить. Лиза отозвалась с радостью на просьбу дочки, научила её снимать мерки, делать выкройки, намётывать и шить. Теперь часто Мила помогала маме выполнять заказы из сельского дома культуры. Лиза просила дочку что-нибудь наметать, отутюжить или прострочить на машинке.

– Моя мама такая красивая, – как-то сказала девочка отцу, когда он, вернувшись со смены, спросил у дочки, как её дела, – Как принцесса.

Вадим улыбнулся и кивнул:

– Да, мама очень красивая. И ты тоже будешь такой же красивой, когда вырастешь.

– Правда? – недоверчиво спросила Мила. В её глазах Вадим прочитал сомнение.

– Правда, – заверил он дочку. Её шёлковые волосы цвета шоколада и большие глаза достались Миле от Лизы. Вот только побитые ещё в августе колени и исцарапанные тонкие ноги красноречиво говорили о том, что этой маленькой непоседе ещё расти и расти до степенной красивой девушки.

Учиться в школе Миле нравилось. Несмотря на то, что она оказалась единственным шестилетним ребёнком среди семилеток, Мила не чувствовала неуверенности. Утром девочке нравилось надевать новое школьное платье с красивым кружевным воротничком. Мама заплетала Миле длинную тяжёлую косу и завязывала её небесно-голубой лентой. Так как мама Лиза уходила на смену в больницу раньше, чем дочка в школу, то за Милой заходил Амин и вёл её в школу. Джавид учился со второй смены, поэтому ходили в школу без него. После уроков Мила

терпеливо дожидалась, когда кончатся уроки у Амина, и он отведёт её домой, где девочка сама разогревала обед и ждала маму с работы. Вечером Амин помогал Миле с уроками. Он терпеливо объяснял и показывал, как прописывать непонятные крючки и закорючки, называемые буквами. Они вместе считали на счётных палочках, составляли рассказы по картинкам в букваре, повторяли чтение слогов. Джавид возвращался из школы позже, когда все уроки были уже выучены. Тогда дети устраивались на ковре в гостиной, садились полукругом и начинали играть в карты. Дрова в печке весело потрескивали, на сковороде у мамы Анжелы румянились блинчики, и даже густая зимняя тьма не навевала тоску. Совсем поздно возвращался со смены Рустам, ужинал, и все вместе начинали смотреть какой-нибудь фильм. И уже в десятом часу прибежала Лиза или Вадим, если он был не на смене, и забирали дочку домой.

Иногда Милу домой поздно вечером приводил Амин. Они шли по заснеженной деревенской улице, взявшись за руки. Зимняя темнота сгущалась, из окон ярко и уютно горел свет. На тёмном небе тоже ярко мерцали звёзды. Те из них, что образовывали большой ковш, сверкали ярче других.

– Смотри, Мила, это Большая Медведица, – показал Амин, – Видишь, у неё лапы и длинный хвост?

– Вижу... – зачарованно произнесла девочка, рассматривая созвездие, – Амин, она же сейчас наступит лапами на крышу нашего дома!

Амин засмеялся. Из трубы дома, где жила его подружка Мила, поднимался столб белого дыма, что предвещало ясную морозную погоду. А прямо над трубой мерцали звёзды, те самые, которые были лапами Большой Медведицы.

– Не раздавит, не бойся, – успокоил он девочку, – Пошли-ка побыстрее в дом, замёрзла уже вся.

И они спешили в дом, чтобы согреться.

Как-то, придя в школу чуть раньше обычного, Джавид встретил в школьном дворе первоклашек, задержавшихся с урока. Они ждали свою учительницу, которая попросила их поиграть во дворе, пока она заполняет их дневники. Девочки стояли в своём кружке, а мальчишки подтягивались на турниках. Но вот один мальчишка, Славка Горин, спрыгнул с турника и подошёл к девочкам. О чём они говорили, Джавид не обратил внимания, но, когда Славка задел Милу и начал её дразнить, он сразу это заметил.

– Цапля! – обозвал девочку Славка, – У тебя ноги худые, как у цапли. Цапля ты, цапля!

Джавид подошёл к мальчишке, резко толкнул его в плечо, Славка упал на землю.

– Эй, ты чего?! – заныл он.

– Не лезь к Миле! – зловеще предостерёг Джавид, – Иначе отлуплю так, что до конца месяца будешь в синяках ходить.

Мальчишка-первоклашка поднялся на ноги и попятился назад. Не то, чтобы Джавид его толкнул больно, но была такая злая решимость в черных глазах Румаева, что его противники ещё до начала драки уже теряли силу духа.

Ещё раз одноклассники Милы Димка и Ромка решили подшутить над хорошенькой девочкой, которую им так нравилось задирать и дергать за толстые длинные косы. После уроков они спрятали её портфель в надежде на то, что Мила будет его искать и упрашивать мальчишек отдать ей портфель. Ничего этого, к разочарованию Димки и Ромки девочка делать не стала. Она надела своё пальтишко и пошла домой.

Димка, более трусливый, чем его приятель Ромка, предложил вернуть портфель и оставить его в классе. Но сделать этого они не успели. В классе появился шестиклассник Амин Румаев, взял за ухо Ромку и велел вернуть портфель.

– В следующий раз ухо я тебе оторву, – на прощание бросил Амин Ромке, безошибочно, с первого взгляда выявив зачинщика этой шалости. Когда Амин взял портфель и исчез, Ромка

ещё долго стоял в классе и потирал ладошкой покрасневшее ухо, а Димка сочувственно смотрел на него.

Больше над Милой никто не шутил и не обижал. Все побаивались иметь дело с братьями Румаевыми. Так прошёл учебный год, и снова наступило лето, такое долгожданное и любимое детворой. И снова купания в реке, дым костра в тихой заводи под ивами, долгие прогулки до самых вечерних сумерек. Дом бабушки Азиза стоял у самой реки, поэтому очень удобно было после купания прибегать в его дом, где в кухне на печке в чугунной сковороде всегда стояла пшённая каша, заправленная жареным луком. Они ели эту кашу холодной, не разогревая, прямо из сковороды тремя ложками. Сам дедушка Азиз часто уходил в лес, прихватив охотничье ружьё. Двери своего дома он никогда не запирали. Воров он не боялся, так как жил скромно, без излишеств. Во время грозы дети прятались в сарае, куда Азиз складывал скошенное сено. А ночью они иногда втроем ночевали на сеновале, стелили одеяло на душистое сено, пахнущее июльскими цветами, и ложились рядышком. Джавид начинал рассказывать очередную страшную историю:

– Они жили в домике возле церкви. По ночам ветер скрипел сухими деревьями, жутко светила луна, где-то вдали протяжно выла собака, и со стороны старого кладбища ровно в полночь появлялось привидение.

– Разве там было кладбище? – скептически спрашивает Амин, а Мила жмурится от страха.

– Везде рядом с церковью есть кладбище. Не перебивай, Амин! – сердился Джавид.

Милу укладывали посерединке, лёжа между братьями, девочка чувствовала себя в полной безопасности, и даже летучие мыши, рассказами о которых её любил пугать Джавид, ей были не страшны.

Ещё Мила очень любила качаться на качелях. Эти качели, сделанные из железных перекладин, стояли возле школьного двора. Часто ребятня прибегала туда, чтобы покачаться на них. Мила просила Амина раскачивать качель, когда она садилась на деревянную дощечку и обхватывала ладошками железные поручни. Амин раскачивал качели осторожно, но Мила вскоре входила в азарт и просила раскачивать её всё сильнее и сильнее. Амин немного уступал, но никогда не раскачивал слишком сильно.

– Нельзя, – говорил он, – Качель может перевернуться.

Креплений, которые бы удерживали качель на определённой высоте, на верхней перекладине не было. Поэтому саму качель можно было раскачать так, что она могла перевернуться и сделать полный круг. И сколько бы Мила не упрашивала Амина раскачивать её сильнее, мальчик не уступал.

Джавид, усмехаясь и наблюдая за Милой, дерзко произнёс:

– Да он сам трусит и тебя боится раскачать.

Ребята, стоящие рядом, рассмеялись.

– Кто трусит, я?! – мгновенно вспыхнул Амин и остановил качели.

– Ты! – задиристо вскрикнул Джавид, – Слабо полный круг сделать? Я пробовал, а ты отказался, когда я тебе предлагал. Сказал, если мама узнает, то испугается. Спрятался за мамину юбку!

Что-то в до этого спокойном взгляде Амина изменилось, он резко повернулся к Миле и велел:

– Слезай!

Мила послушно слезла с качели и отошла в сторону. Ребята тоже притихли и подошли поближе. Амин вскочил на качель и, стоя, стал раскачиваться всё сильнее и сильнее. Железные поручни тяжело заскрипели, с каждым разом поднимаясь всё выше и выше.

– Амин! Остановись! – не выдержала Мила, когда безумное мельтешение поручней туда-сюда стало быстрым, резким, – Ты же разобьёшься!

Джавид тоже с тревогой наблюдал за качелями, но ни слова не произнёс. Все стояли в напряжении, ожидая страшной развязки. Теперь качель уже было ни за что не остановить, нельзя было схватить поручни и хоть как-то задержать их. Когда поручни перевернутся вокруг своей оси, Амин не удержится, упадёт и разобьёт себе позвоночник о железные перекладины. Ещё секунда и поручни перевернулись вокруг своей оси... Мила зажмурилась от страха, закрыла лицо ладонями. Она стояла так мгновение, когда услышала восторженные возгласы. Тогда она открыла глаза. Амин успел ловко спрыгнуть с сидения, зацепиться руками о перекладину и повиснуть на ней, как на тренажёре. Он подтянулся повыше, ожидая, пока качель остановится. Потом ловко спрыгнул на землю и отряхнул ладони.

– Амин, ты не ударился? – подбежала к нему подружка Милы Аня Петрова, – Ты ничего себе не сломал?

– Даже царапины нет, – успокоил её Амин и с вызовом посмотрел на притихшего младшего брата, но ничего ему не сказал. Возможно, он и хотел что-то сказать, но заметил, как Мила прижала ладони к лицу и заплакала, её худые плечики мелко затряслись. Он быстро приблизился к ней, легонько встряхнул девочку за плечи и произнёс:

– Всё хорошо, Мила. Пошли домой, я тебе земляники нарву, не плачь.

Мила плакать не перестала, но и возражать не стала, когда крепкая ладонь Амина сжала её мокрую от слёз ладонку. Мальчик потянул её за собой, она послушно пошла за ним по пыльной просёлочной дороге.

Дети смотрели им вслед. Джавид, притихший и, как будто пристыженный, развернулся и, никем не замеченный, пошёл дворами.

В тот же вечер Амин принёс Миле большой букет полевых цветов – синих колокольчиков и белых ромашек, красных диких лилий, и полную горсть спелой земляники. Мила землянику съела сразу, а цветы отдала маме.

Лиза поставила букет цветов в вазу с водой, бросила внимательный взгляд на мужа, который ужинал за столом.

– Помнишь, Вадим, как ты мне точно также носил цветы и угощал земляникой? – спросила она.

– Помню, Лизонька, – тепло улыбнулся он жене, – Теперь нашей дочке мальчишка носит цветы.

– Но ты же знаешь, чем это всё закончилось у нас? – серьёзно задала вопрос Лиза.

– Как же не помнить, – рассмеялся Вадим, – Ты стала моей женой.

– Вот-вот, – вздохнула Лиза, – Если Амин когда-нибудь станет мне зятем, лучшего я не смогу и пожелать для своей дочери.

– Они ещё дети, – ответил Вадим, – У них всё может быть по-другому, не как у нас.

– Дай бог, чтобы у моей дочки всё было совсем не так, как у меня, – быстро произнесла Лиза и вышла из кухни. Вадим не стал её останавливать, он понял, что воспоминания всё ещё резко и беспощадно могут ворваться в её сознание, вот как сейчас, и лишить её покоя.

Этим же вечером, когда Амин вернулся от Милы домой, брат извинился перед ним.

– Прости, Амин, – произнёс он и больше ничего не сказал. Но этого было достаточно, чтобы Амин осознал, как тяжело на душе у младшего брата. Ведь никогда до этого Джавид не просил прощения ни у кого, даже когда был виноват. Гордый его нрав не позволял ему этого.

Пойти рыбачить на Белые Камни с первыми лучами солнца было решено ещё вчера. Поэтому Мила проснулась раньше всех и как была – неумытая и непричёсанная, а только быстро обувшись и надев ситцевый сарафанчик, который Лиза только вчера закончила шить для своей дочки и ещё не успела его разгладить утюгом, прибежала к дому братьев Румаевых. Она ловко взобралась на крышу старого сарая, стоящего под развесистыми ветвями старой

черёмухи, обхватила тонкие колени руками и принялась ждать. Вскоре появились братья. Первым проснулся Амин, он вышел умыться и заметил Милу.

– А ну, слезай, – сказал он. Мила быстро спустилась с крыши, Амин придержал девочку за талию, помог перебраться через низкий забор. Пока братья собирались и складывали всё, что может понадобится в большой отцовский рюкзак, Мила терпеливо ждала. После сборов Амин сам заплёл девочке косы, как уже это делал не раз до этого, затем принёс ей старые сапоги Джавида, его штаны и свой свитер, заставил переодеться.

– Ну зачем нам она? – ворчливо спросил Джавид и недовольно добавил, – Без неё бы уже были у озера.

– Я обещал, – коротко обронил Амин и больше ничего не сказал, взвалил тяжёлый рюкзак на спину, вышел на улицу. Джавид подхватил удочки и надувную лодку, Мила последовала за братьями.

Улов был богатый. Рыбу почистили там же на берегу озера, но жарить не стали, решили отнести домой. После полудня Лиза всё-таки перехватила Милу на деревенской улице, дала ей пустую банку и велела идти за молоком и сметаной к соседке. А после Лиза жарила сырники из свежего творога и ворчливо приговаривала:

– Ну ты как беспризорница, ей богу, Мила! Хоть домой прийди, покажись мне, а то я уже и не помню, как моя дочь выглядит! Вот хоть поешь сейчас по-человечески!

Мила сидела на ступеньках крыльца вместе с Джавидом и Амином, они ждали, когда ужин будет готов. Все трое были уставшие и голодные.

Лиза положила в большую тарелку сырники и сметану, вынесла еду на улицу. Напротив дома лежали толстые брёвна, приготовленные для постройки новой бани, их облюбовали дети и часто вечерами собирались на них. Лиза положила тарелку на брёвна, села рядом. Дети мгновенно расхватили сырники и начали их есть. Лиза не удержалась, тоже взяла сочный аппетитный сырник в руки. Вот так хорошо можно долго сидеть, есть вкусные сырники и смотреть на деревенскую улицу. Иногда по дороге мимо проходили соседи, через их улицу можно было выйти к реке. Лиза взглянула на дочку, руки и щёчки которой были измазаны сметаной, на смуглых босоногих мальчишек, жадно откусывающих сырники, и еле удержалась, чтобы не рассмеяться. Может быть, она и не очень хорошая мать, раз её дочка без присмотра целыми днями бегаёт по улице с босоногими братьями Румаевыми, но зато, Лиза была в этом абсолютно и полностью уверена, детство её дочери – счастливое.

Глава вторая. Последнее лето перед взрослением

«Любовь как игра. Кто первый сказал „люблю“, тот и проиграл»

цитата из фильма «Сплетница» (Gossip Girl)

Мила рассматривала себя в зеркало. Да, в этом платье она, конечно, выглядит взрослее, но всё равно не так, как Аня Петрова. У Ани уже есть грудь, почти как у взрослой девушки, а она, Мила, худая и плоская, как стиральная доска. Мила видела такую доску у бабушки Азиза. Он ставил её в таз и долго шоркал на ней своё бельё. Как его невестка Анжела не просила приносить бельё к ней для стирки, бабушка Азиз ни за что не соглашался и всегда стирал своё бельё сам вот на такой доске.

Худые ноги с выпирающими коленками тоже не радовали Милу. Надо бы надеть платье подлиннее и прикрыть подолом коленки. Вот у Ани и коленки красивые, круглые, ничего, где не надо, не выпирает. А только там, где надо. Мила вздохнула, решая, красить ли ей глаза или оставить так. В прошлый раз, когда она наряжалась на осенний бал и накрутила глаза, Джавид сказал, что ей это не идёт, и назвал её куклой. Пожалуй, красить не надо, решила Мила. Наконец, одевшись и причесавшись, Мила вышла из дома, чтобы встретиться по дороге с Аней и уже вместе с ней прийти на школьный вечер. Совсем некстати вспомнился этот осенний бал. Тогда Мила тоже долго и тщательно готовилась к этому вечеру и выбирала наряд, делала причёску и макияж в надежде, что Джавид обратит на неё внимание и пригласит на медленный

танец. Весь вечер она зачарованно наблюдала за ним, как он выходил на сцену, брал в руки гитару и начинал виртуозно перебирать струны. Мила знала, что не только она, а все девчонки, затаив дыхание, жадно смотрят на него. Шестнадцатилетний Джавид стал любимцем публики и, особенно, девчонок всех возрастов, от учениц начальной школы до старшекласниц. Его большие чёрные глаза таинственно мерцали в свете рампы, кипенно-белая рубашка контрастом подчёркивала смуглую кожу, вьющиеся пряди волос, аккуратно причёсанные, всё равно выбивались из укладки. Этим вечером должен был вернуться из города на выходные Амин. Он уже второй год жил в городе и учился в техникуме. Сразу после выпускных экзаменов его тётка Рита, живущая в городе, позвала племянника к себе. Амин уехал, чтобы за лето успеть закончить автошколу, а осенью поступить в техникум. Затем перебрался от тётки в студенческое общежитие и изредка на выходные приезжал проведать семью. Теперь, когда Амин стал уже совсем взрослым восемнадцатилетним парнем, Миле всё реже и реже удавалось общаться с ним. К тому же она стала испытывать странную робость при встречах с Амином. Да и как теперь можно беззаботно шутить и общаться с уже взрослым парнем, который знает, как она на горшке сидела в детстве? Да к тому же он сам её на этот горшок и садил бывало. От таких воспоминаний Миле становилось неловко. Она как раз только-только вступила в тот чуткий возраст, когда ещё угловатая девочка уже начинает ощущать свою женственность. Ей становилось стыдно и своих расцарапанных коленок и своей подростковой неловкости и угловатости. К тому же у Амина в городе была девушка. Джавид ей это рассказывал. Но вот сегодня Амин должен был приехать и тоже прийти в клуб. Он всегда приходил в клуб, когда приезжал в деревню. Его всегда просили поработать на дискотеках звукооператором. Мила тоже теперь часто бывала в клубе, когда делала примерки на костюмы или сама репетировала. Тётя Анжела и её увлекла танцами, и теперь Мила не пропускала ни одной репетиции и ездила на различные районные и областные конкурсы.

Когда Мила и Аня Петрова пришли в клуб, новогодний вечер уже начался. Мила с нетерпением искала глазами Джавида в толпе танцующих, он увидел её первым, махнул рукой, приглашая на танец. Мила любила танцевать с Джавидом. Он двигался очень пластично, хорошо водил в медленном танце. И сейчас, Мила знала, со стороны они смотрятся очень красиво. Почувствовав на себе чей-то взгляд, она обернулась и увидела возле сцены за аппаратурой Амина. Мила улыбнулась ему, он кивнул ей. Сказать что-либо всё равно не получилось бы. Громкая музыка заглушала все иные звуки. Но Мила чувствовала, даже не оборачиваясь в сторону Амина, что он смотрит на неё, наблюдает за ней. Когда танец закончился, Джавид исчез, а Мила продолжала танцевать с девчонками. Каково же было изумление Милы, когда на следующий медленный танец он пригласил не её, а Марьяну Куденцову. Куденцова училась в десятом классе и слыла первой красавицей. Светловолосая, высокая и стройная, она никогда не пропускала ни одного медленного танца и была нарасхват.

Наблюдая, как сильные руки Джавида легонько приобняли тонкую талию Марьяны, Мила испытала злость и досаду. Ну что все они в ней нашли? Белобрысая и длинноногая, ну и что? Из-за этого надо считать её лучше всех? Мила больше не танцевала, настроение пропало. Она села на скамейку рядом с Аней и стала наблюдать за Джавидом и Марьяной. Когда музыка кончилась, они оба куда-то исчезли и не появлялись до конца вечера. Мила засобиравшись домой, Аня ещё хотела остаться, поэтому Мила одна вышла в коридор и стала снимать с вешалки свою шубку. В это время дверь открылась, и с улицы вошла Марьяна с покрасневшими от мороза щёчками.

– Уже уходишь? – спросила она мимоходом.

– Да, ухожу, – резко ответила Мила.

– А что, не понравилось? – Марьяна остановилась и насмешливо взглянула на девочку.

– Какая тебе разница, – Мила резко выдернула из рукава шубки шарф и стала его распутывать.

– Ну, ну, – сочувственно покачала головой Марьяна, – Конечно, тебе пора домой в постельку, детское время закончилось. А мы с Джавидом ещё в кафе ходим.

– Удачи вам, – резко отозвалась Мила, шарф никак не хотел распутываться в её дрожащих руках.

– Мы ещё с осени встречаемся с Джавидом, – добавила Марьяна, – Это так, на будущее, чтобы ты знала.

– Мне это не интересно, – Мила нервно теребила шарф в руках, её почему-то начала трясти мелкая дрожь.

– Да что ты? – усмехнулась девушка, – А чего тогда ты домой засобиралась? Относись к этому спокойней, Мила. Ты ещё... как бы это сказать-то... В общем, не лезь в наши отношения.

– Я и не лезу, – почти спокойно отозвалась Мила.

– Вот и правильно. И вообще, посмотри на себя в зеркало. Ты не в его вкусе. Ему другие девушки нравятся. Такие, как я. В твоём возрасте у меня уже грудь была, а у тебя и в двадцать лет не на что будет смотреть.

Марьяна самодовольно хмыкнула, распушила ладонью и без того пышные пряди и уже хотела войти в зал, как Мила резко схватила её за тщательно уложенные локоны и так же резко дёрнула их. Марьяна завизжала, попыталась отстраниться и освободить свои волосы из цепких рук Милы. Но Мила вцепилась так, что костяшки её пальцев побелели, и начала трепать Марьяну за волосы. На шум выбежали из танцзала, обступили девчонок и даже начали их подначивать.

– Мила, давай, покажи ей! – визжала Аня Петрова.

– Девочки! Кто-нибудь разнимите их! Она же все волосы вырвет Марьяне! – кричала Катя Новикова, одноклассница Марьяны.

Вдруг в общем гуле и шуме Мила почувствовала, как сильные руки властно, но осторожно, не причиняя ей боли, отцепили её пальцы от волос Марьяны и отстранили её от толпы.

– Мила, всё, всё, успокойся, – услышала она голос Амина, его сильные руки прижали её к себе, успокаивая и покачивая, как маленького ребёнка, закрывая своей спиной от любопытных глаз, – Пошли отсюда. Пошли домой, Мила.

Она почувствовала, как Амин помогает ей надеть шубку, обматывает её шарфом, в то время как все остальные сочувственно столпились возле Марьяны. Когда Амин вывел её на улицу, Мила не выдержала:

– Она сама... Она сама первая! – всхлинула девочка и расплакалась.

– Ну всё, Мила, всё, забудь, – ласково отозвался Амин, приобнял её за плечи, увлекая за собой, – Успокойся и забудь! И пошли быстрее, мороз начинается.

Мила схватила тёплую и шершавую руку Амина, пошла за ним по заледеневшему тротуару, изредка всхлипывая и по-детски жалобно вздыхая.

– Мне сказали, что вчера девчонки подрались из-за нашего Джавида, – произнесла Анжела, накрывая стол к завтраку и оглядывая внимательным взглядом сыновей.

Рустам пил кофе и просматривал газету, но, услышав слова жены, с интересом взглянул на сыновей. Амин и Джавид одновременно опустили глаза в тарелки с гречневой кашей, никто из них не проронил ни слова.

– Что вчера случилось, Амин? – спросила Анжела, серьёзным взглядом смотря на старшего сына в упор.

– Не знаю, мама, – Амин поднял голову и взглянул на мать безмятежными карими глазами, – Вчера я рано ушёл, Славка Горин за меня музыку включал.

– Джавид? – Анжела перевела взгляд на младшего сына, но он тоже пожал плечами, – Джавид, что произошло между Милой и твоей одноклассницей?

– Мам, да ничего не произошло. Мила с нами весь вечер была и ни с кем не ссорилась. А потом они с Амином домой ушли, а я ещё остался, – уже не растерявшись, произнёс Джавид.

– Да, мам, так и было, – подтвердил Амин, – Наверно тот, кто тебе рассказывал сплетни, что-то или кого-то перепутал.

Рустам чуть усмехнулся, внимательно наблюдая за сыновьями, и обратился к жене:

– И, правда, Анжела, оставь их в покое. Люди всегда судачат, что ж теперь, верить во всякие глупости?

Амин быстро взглянул на отца, так быстро, что никто этого, кроме Рустама и не заметил, но в этом быстром молниеносном взгляде читалась огромная благодарность.

Девичьи обиды Милы забылись уже через пару дней. Наступала святочная неделя, и подружки собрались в доме у Милы.

– Сначала погадаем, а потом пойдём колядовать, – предложила Лена Осипова, и Мила с Аней согласились.

– Только не хочу я опять эту ерунду детскую, как в прошлый раз, – произнесла Аня и уточнила, – Ну, когда мы воск плавил и карты из колоды вытаскивали. Давайте, что-нибудь посерьёзнее и пострашнее.

– Можно в тёмную баню пойти посмотреть в зеркало на суженого, – предложила Аня.

– Нет, я боюсь ночью одна в бане, – заупрямилась Мила.

– Давайте! Давайте! – обрадовалась Лена, – Будет жутко страшно.

Девочки приготовили зеркало, свечи и спички и пошли в баню, где было холодно, и стояла крошечная тьма. Лена поставила зеркало на полочку, а Мила зажгла свечу.

– Так, а теперь надо всем выйти и заходить по одному. Смотреть в зеркало и сказать так: Суженый мой ряженный, приди ко мне поужинать, – пояснила Аня, – Кто пойдёт первой?

Девочки некоторое время нерешительно смотрели друг на друга, наконец, Мила произнесла:

– Я пойду.

Лена и Аня с готовностью уступили первую очередь подруге. Мила открыла дверь бани и зашла вовнутрь. Девочки сразу же плотно закрыли дверь, Милу окружила тьма. Даже полки и тазы, составленные в ряд у стены, не были видны. И только слабо мерцающее пламя свечи манило подойти ближе. Мила несмело подошла к зеркалу, тихо произнесла слова:

– Суженый мой ряженный, приди ко мне поужинать.

И смело взглянула в зеркало. Огонь свечи мерцал в тусклой амальгаме. В зеркале, ничего кроме темноты, не отражалось. Но как-то жутко вдруг стало Миле, так, как будто бы она дерзко пытается заглянуть туда, куда глядеть нельзя. Мила ещё какое – то время присматривалась к зеркальной темноте и уже хотела уходить, как в глубине зеркала разглядела длинную слегка колышущуюся тень человека. Девочка вздрогнула, но страх помешал ей пошевелиться. И ещё одна тень заколыхалась с другой стороны. Две тени стояли за ней и отражались в зеркале.

– Мапочки... – прошептала Мила, дёрнулась резко, развернулась и выбежала из бани. На крыльце подружки обступили её с расспросами:

– Ну, как, Мила? Видела? Кого видела? – наперебой спрашивали Лена и Аня.

Мила посмотрела на небо, где яркие звёзды пронзительно мерцали, обещая морозную ночь. Месяц показался из-за края горизонта и весело подмигивал. Это успокоило Милу, и она произнесла уже спокойно:

– Нет, лица не видела, но тень человека видела. Даже две тени. Но это была не моя тень, точно.

– Ой, я не пойду, – испугалась Лена, – Аня, иди ты!

– Мне бабушка говорила, что это чёрт шутит, в зеркало себя показывает, – произнесла Аня, – Ну ладно, я пойду. Только вы держите дверь открытой, ладно? Не закрывайте меня одну в бане, обещаете?

– Хорошо, Аня, мы не закроем дверь, – пообещала Мила.

Но Аня ничего не смогла разглядеть в зеркале, кроме своего собственного бледного испуганного лица.

– Ну всё, хватит! Пойдёмте колядовать! – предложила Аня, слегка разочарованная тем, что ничего не увидела в зеркале.

Но перед тем, как уже накрашенные и наряженные девочки зашли в первый двор, Мила сняла валенок и, закрыв глаза, бросила его.

– Теперь посмотрим, в какой стороне твой суженый живёт, – со смехом Аня стала искать валенок.

– И я тоже брошу! – с азартом произнесла Лена и тоже бросила валенок через плечо.

Затем они долго плутали по снегу, разыскивая валенки. Причём валенок Лены нашли быстро, а валенок Милы пропал.

– Ну как же я без валенка-то буду? – причитала Мила, кружась на одной ноге по снегу.

Оказалось, что валенок Милы подобрали на дороге мальчишки и, хихикая, затаились за забором.

– А вы спросите, спросите нас как зовут! – предложил шуточный мальчишечий голос из-за забора, – Так и ваших женихов будут звать!

– Вот ещё! – фыркнула Мила, – Я и так знаю тебя по голосу, Горин.

– Спросите, иначе валенок не отдадим! – послышался за забором другой голос.

– Ну, и как же тебя зовут, парень? – поинтересовалась Лена, подбоченившись и приготовившись серьёзно выслушать ответ.

– Феофантий! – радостно крикнул другой голос. И мальчишки рассмеялись.

– Как? Как? – переспросила Лена, – Да иди ты знаешь, куда?!

– Феофантий, так Феофантий, – миролюбиво отозвалась Мила, – Пусть будет так. Только валенок мой отдай, Феофантий!

Мила подскочила к забору и одной обувью ногой, а другой только в чулке и носке, запрыгала рядом. Из-за забора показался парень в полушубке и шапке-ушанке, протянул валенок под дружный смех девчонок рядом с Милой и мальчишек из-за угла забора.

– Милка, не признала, что ли? – засмеялся парень и снял ушанку. Чёрные глаза Джавида весело смотрели на неё.

Мила вырвала из его рук валенок и стала его натягивать на ногу.

– Не узнали мы тебя, Джавид, значит, богатым будешь! – засмеялась Аня.

А потом они все вместе, девочки и Славка Горин с Джавидом и Вовкой Лесовым пошли по домам колядовать, где сыпали пшено, пели шуточные куплеты и собирали угощения – печенье и конфеты. В одном доме им не открыли, а в другом не пустили. За это мальчишки и девчонки, смеясь и шутя, быстро перебросали поленицу с одного места на другое и укатали крышки от бочек соседям.

Домой вернулись уже за полночь, кое-как уgomонились и разбрелись каждый по своим улицам. Джавид проводил Милу до самой калитки и отдал ей конфеты, которые ему удалось насобирать во время колядок.

– Я не ем столько конфет, мне на рождественском бале завтра танцевать, – рассмеялась Мила.

– Тогда раздай их завтра на балу детям, – предложил Джавид.

– Так и сделаю, – кивнула Мила и убежала в дом, хлопнув калиткой.

Джавид успел заметить, как покраснелись щёчки Милы, но не мороз был тому причиной. Стояла тёплая ночь сочельника.

Август – астры,
Август – звёзды
винограда и рябины,
Ржавой август!

Марина Цветаева

Стоял тёплый летний день, но близкое и неотвратимое приближение осени уже чувствовалось. Лиза любила это время года особенно, трепетно. Серебряные паутинки, лениво кружась в прозрачном звенящем воздухе, медленно оседали на ветки уже краснеющей рябины. Что-то неуловимо трогательное было и в желтеющих вдали сопках, и в тяжёлых налитых ягодным соком смородинах. Вечера, уже холодные, и ранние туманные сумерки напоминали о скором прощании с летом.

Мила, в отличие от мамы, начало осени не любила. Точнее, раньше, в детстве, она любила все времена года. Зима радовала катанием с горки, весна – бумажными корабликами в ручьях, лето – первыми цветами и бесконечной свободой. «Август – месяц потерь», – где-то совсем уж некстати прочитала Мила. От чего и без того унылое её настроение испортилось окончательно. Хорошо, что последние дни лета ясные и тёплые. Дожди бы уж совершенно свели Милу с ума. За несколько дней перед началом нового учебного года, когда новые тетрадки и учебники уже лежали в школьной сумке, а школьное платье было тщательно отглажено и приготовлено для того, чтобы его надеть, к Миле пришёл Амин и позвал её погулять. Они не торопясь дошли до конца улицы, где стоял дом Румаевых, залезли на крышу старого сарая. Прогревшийся за день толь, которым покрыт был сарай, приятно согревал босые пятки Милы. Тяжёлые ветви черёмухи свешивались на крышу. Мила срывала крупные чёрные ягоды и ела их. Терпкий вкус вязал язык.

– Помнишь, Мила, как ты ждала нас на этой крыше, когда мы собирались рыбачить на Белых камнях? – спросил Амин.

Мила кивнула, язык от черёмухи стал онемевшим.

– Сегодня вечером я уезжаю, Мила, – произнёс Амин, и Мила взглянула на него с удивлением.

– Ты же закончил учиться, – напомнила она.

– Меня в армию призвали, – сказал Амин.

Напряжённое молчание. Только на ветвях зашелестел лёгкий ветерок.

– Когда ты вернёшься? – наконец прервала молчание Мила.

– Через два года, – ответил он, – Можно иногда я буду писать тебе письма, Мила?

Она с готовностью кивнула.

– И я буду тебе писать, Амин, – тихо ответила она. И совсем уж некстати она осознала, что её губы чёрные от черёмухи. Мила начала тереть их ладошкой.

– Мне пора, Мила, – Амин резко встал, спрыгнул на землю и помог Миле спуститься с крыши.

– Можно мне тебя проводить? – совсем по-взрослому спросила Мила. И в этот момент осознала, что что-то неуловимое, необъяснимое, сейчас ускользывает, уходит навсегда от неё.

– Не нужно, Мила. Я хочу так, здесь с тобой попрощаться. На вокзале суeta и много людей. Ну, всё, Мила, мне пора, – Амин протянул руку к её плечу, но затем нерешительно отстранил её, так же резко развернулся и исчез в зарослях старой черёмухи.

Мила смотрела ему вслед. Этим вечером не только Амин уходил от неё. Детство уходило от неё. Поэтому было грустно, и глаза щипало от слёз.

Глава третья. Две тени

«Считается, что первая любовь чудесна... Но первая сердечная рана всегда сильнее всего болит, дольше всего затягивается и оставляет самый заметный шрам. Что уж тут чудесного?»

Стивен Кинг «Страна радости»

С того самого дня, когда Мила простилась с летом, детством и другом, она больше не стала любить вязкие ягоды черёмухи. Что-то неуловимо изменилось и в самой девочке. Она вдруг осознала свою раздельность от друзей детства – братьев Румаевых. Осенью из деревни уехал и Джавид, чтобы учиться в колледже. А когда из армии вернулся Амин, призвали служить Джавида. Мила почти не встречалась ни с одним из братьев. Редкие письма, которыми они обменивались с Амином, не могли поддержать крепкую связь, как в детстве. Амин сразу же устроился в леспромхоз водителем лесовоза и уехал на вахту. В те редкие дни, когда он возвращался домой между сменами, Амин привозил подарки маме и Миле. Анжеле сын покупал дорогие подарки – кожаную сумочку, французские духи или золотые украшения, Миле доставались подарки намного скромнее – плитка её любимого молочного шоколада, кружка, наполненная спелой жимолостью или забавный брелок для ключей. Мила ждала приездов Амина с детским любопытством – что же Амин привезёт ей на этот раз? Он не задерживался в деревне больше, чем на пару дней, но и за это время с Милой они практически не встречались. Иногда даже мимолётных встреч не происходило, и гостинцы от Амина Миле передавала Анжела.

Но и тех мимолётных встреч было достаточно, чтобы понять, что разница в возрасте стала явно заметной. Четырнадцатилетняя девочка смотрела на двадцатилетнего парня как на взрослого мужчину и испытывала сильное смущение перед ним. Амин за два года службы в армии возмужал, даже его речь и движения стали менее резкими, а уже по-взрослому степенными. Высокий, смуглый, сильный он стал видным парнем, и многие деревенские девчонки пытались обратить на себя его внимание. Мила же, как была невысокого роста, худая, с выпирающими ключицами и заострёнными коленками, так и осталась «пигалицей», как её, шутя, называл дедушка Азиз. Мила часто, теперь уже без братьев Румаевых, прибегала в дом у реки, чтобы посмотреть, как дедушка Азиз плетёт рыбацкие сети, курит большую трубку, набитую самосадом, и послушать его рассказы. Дедушка Азиз несколько не изменился. Всё те же с хитринкой глаза, и лучики морщинок возле этих добрых глаз. Теперь уже Мила, если не заставляла дедушку дома, наводила порядок в комнатах и варила борщ, так им любимый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.